

сится к представлениям своих предков "с насмешкой и отвержением", но между тем "пересечение, а иногда и столкновение с другими культурами порождают новые религиозные воззрения и новые иллюзии, которые так же переходящи, а часто – и более сомнительны, чем старые суеверия" (S. 99). Немаловажно отметить, что присущие ладинам черты рассматриваются автором в рамках культурно-исторического контекста Альпийского мира в целом.

Объектом четвертой главы стали обычаи годового цикла, прежде всего календарные праздники в их локальных формах, с их оригинальными чертами, а также религиозные торжества, связанные с именами святых и покровителями отдельных деревень. При этом с подъемом иностранного туризма, по замечанию автора, многие древние праздники и обряды "превратились в фольклорные мероприятия для гостей. И лишь в семейном кругу их отмечают в традиционной форме" (S. 192). Особенно ярко это проявляется в зимний период.

Пятая глава – "Обрядность жизненного цикла" – не ограничивается комплексом тех представлений и ритуалов, которыми были окружены в ладинской среде рождение человека, обручение и свадьба, смерть и похороны. Наряду с ними автор освещает такие вопросы, как традиционный костюм жителей долины Гардена, особенности повседневного питания, праздничного стола и ритуальной пищи, народной медицины и травоведения, рассматривает материалы об играх и развлечениях, о музыкальном и танцевальном творчестве.

В "Заключении", обращаясь к читателям, М. Форни пишет, что представленный труд не должен быть ностальгическим "взыванием к Аркадии": "прогресс и развитие, без сомнения, выступают как позитивная ценность, но все же благотворно иногда остановиться и оглянуться назад, чтобы по дороге настоящего можно было более сознательно идти к будущему" (S. 264). Таково кредо автора. Результат его исследовательской работы заслуживает глубочайшего уважения и отклика. Он не только позволяет представить все своеобразие истории и культуры ладин области Доломитовых Альп в комплексном, целостном виде, но и оставляет впечатление сопричастности к "рассказанному прошлому и пережитому настоящему".

Литература

Гингрих 2005 – *Гингрих А.* Меняющиеся контексты, меняющееся содержание: о статусе социокультурной антропологии в немецкоязычных странах // *Этнограф. обозрение.* 2005. № 2.

ЭО, 2007 г., № 5

© **В.В. Карлов, Е.В. Миськова.** Рец. на: *Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Эңцы. Нганасаны. Кеты* / Отв. ред. И.Н. Гемуев, В.И. Молодин, З.П. Соколова. М.: Наука, 2005. 805 с.

Том "Народы Западной Сибири" – второй, вслед за изданием "Буряты", из шести посвященных коренным народам Сибири и намеченных в серии "Народы и культуры". Необходимость создания таких очерков по автохтонным этносам Сибири и Дальнего Востока давно назрела. Со времени публикации последнего обобщающего труда в серии "Народы мира" прошло ровно 50 лет. Отечественная этнология и сибиреведение в частности за полвека накопили немало новых материалов, которые, несомненно, нуждаются в обобщении. В рецензируемом труде комплексно описываются семь народов Западной Сибири: ханты, манси, ненцы, селькупы, эңцы, нганасаны и кеты. Описание сопровождается прекрасными иллюстрациями.

Данное издание имеет заслуживающую внимания историю. Задумывалось оно еще в 1990-х годах Ю.Б. Симченко, им же был составлен первоначальный план тома. Нынешние редакторы-составители сочли необходимым насколько возможно придержать этот план. Тогда же, при Юрии Борисовиче, были написаны первые материалы для издания (В.И. Молодиным, В.И. Васильевым, З.П. Соколовой, В.М. Кулемзиным, Н.В. Лукиной).

Виктор Владимирович Карлов – доктор исторических наук, профессор кафедры этнологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Елена Вячеславовна Миськова – кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

На нынешнем этапе подготовкой тома к печати занимались совместно Институт этнологии и антропологии РАН (З.П. Соколова) и Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (И.Н. Гемуев). Редакторы тома прodelали огромную работу по организации коллектива авторов. Их несомненная заслуга состоит в привлечении специалистов из разных научных центров нашей страны.

Следует сказать несколько слов и об объективных трудностях, с которыми пришлось столкнуться составителям всех сибирских томов. К ним относится, в первую очередь, некоторая неупорядоченность классификационных принципов, используемых в этнографических работах по региону. Так, если последовательно придерживаться лингвистической классификации, в один том должны быть включены очерки о народах, относительно далеко живущих друг от друга и не всегда схожих по хозяйственному облику. Если же придерживаться разбивки по историко-этнографическим областям (ИЭО), один и тот же этнос может оказаться разделенным между разными ИЭО.

В случае с народами Западной Сибири положение облегчается тем, что почти все этносы региона принадлежат к уральской семье, составляя ее угорскую и самодийскую ветви, но и здесь не обошлось без исключений. Так, в том вошел очерк о единственном ныне этносе енисейской семьи языков – кетах, и в то же время не вошли материалы по юкагирам, относимым некоторыми лингвистами и этнологами к “урало-юкагирской семье”.

К слову сказать, самым корректным названием тома могло бы быть “Промысловые народы Западной Сибири”, так как здесь представлены не все автохтоны ареала: отсутствует очерк о сибирских татарах – земледельцах и животноводах (он вошел в том “Татары”). Но, в таком случае, вероятно, надлежало бы добавить очерк о таймырских долганах, учитывая образ жизни последних. Если пренебречь этими объективными противоречиями компоновки томов, в целом выбор народов, представленных в томе, можно считать логичным и оправданным.

Проект “Народы и культуры” задумывался как некое подведение итогов и создание новой точки отсчета в отечественной этнологии, в том числе в сибиреведении, на современном этапе. В этой связи “упрек” авторов “Предисловия” (В.А. Тишков, С.В. Чешко) к редакторам тома в излишней традиционности структуры и подачи материала несправедлив. Предложенная структура тома позволяет проводить сопоставимые сравнения с более ранними работами. Накопленные за последние два десятилетия материалы по исследованию современности не нашли достаточного отражения на страницах книги, однако это и не заявлялось авторами в качестве самоцели или основной задачи.

Что же касается своевременности такого рода изданий, то практика (имея в виду уже вышедшие тома этой серии) показывает полезность и необходимость периодического возврата к подобным сериям и своего рода “ревизии” вновь накопленных наукой данных, их изложение каждый раз на новом уровне научного знания. Представляется, что интервал в 50 лет для этих целей если и не оптимальный (исследование разных регионов ойкумены идет, конечно, с разной интенсивностью), то вполне приемлемый.

Можно, конечно, посетовать на то, что авторы тома не поставили под сомнение само укоренившееся в нашей науке разделение современного образа жизни коренных народов на традиционный и современный как “испорченный традиционный”. Хотя гораздо продуктивнее было бы поразмышлять не о традиции как таковой, а о том, как та или иная культура задает особенности адаптации разных этнических групп к масштабным изменениям образа жизни. Только таким путем можно, в конце концов, выйти и на генерализацию в понимании процессов, происходивших на Севере на протяжении прошедшего столетия.

Поскольку повествование следует по давно накатанной колее, несколько теряют разделы, посвященные этнической истории. Хотелось бы, чтобы в них уделялось больше места оценкам или освещению фактов с новых сторон. Например, инциденты сопротивления российской колонизации и советизации – те же восстания разных аборигенных групп – почти не упоминаются и не оцениваются. Возможно, политическая история Западной Сибири (наряду с этнической) заслуживала бы отдельной главы, а не только краткой справки во “Введении” и “Заключении”.

Но в целом, если сравнивать с томом “Народы Сибири” 1956 г., нынешнее издание представляется более полным и академичным. Представленный материал полнее характеризует различные аспекты этногенеза и этнической истории, хозяйства и материальной культуры, изменений в быту и расселении сибирских народов после включения в состав России. Шире и разнообразнее представлены мировоззрение, верования и культовая практика, народное искусство. В этом

смысле тематика очерков достаточно продумана и выверена, у читателя есть возможность сравнить и сопоставить этнические особенности быта и культуры по сходным и сравнимым параметрам.

Достоинством издания является то, что в нем отражен вклад в сибиреведение, сделанный такими учеными, как А.П. Дульзон, А.К. Матвеев, Е.А. Хелимский, В.В. Напольских (в области языкознания), М.Ф. Косарев, В.А. Могильников, Л.А. Чиндина, В.Ф. Генинг, Л.П. Хлобыстин, В.И. Молодин, Н.С. Полосьмак и др. (в археологии), В.П. Алексеев, Г.А. Аксянова, И.М. Золотарева и др. (в антропологии). Не говоря уже о собственно этнологических приращениях знания о народах в разделах, авторство которых принадлежит Л.П. Лашуку, Ю.Б. Симченко, В.И. Васильеву, З.П. Соколовой, Г.Н. Грачевой, И.Н. Гемуеву, А.В. Головневу, Л.В. Хомич и др.

Том состоит из “Предисловия”, “Введения”, двух обобщающих статей об археологических изысканиях в регионе и о положении коренных народов в XX–XXI вв., и очерков по каждому из семи народов. Последние разбиты на блоки, в некоторых есть дополнительные подразделы: 1. Общие сведения о народе; 2. Происхождение и этническая история; 3. Традиционное хозяйство, календарь и хозяйственный цикл; 4. Материальная культура (транспорт, жилище, одежда, пища); 5. Социальная организация и общественный быт; 6. Семейная обрядность (родильные, свадебные и погребальные обряды); 7. Мировоззрение и культовая практика; 8. Духовная культура (фольклор, праздники, музыка, декоративное искусство). Разделы очерков достаточно строго и последовательно выдерживаются по всем народам. В заключительной статье дается краткая история развития коренных народов в XX в. и предлагается концепция их дальнейшего развития.

Отметим, что в данной работе описание культур хантов и манси впервые приведено отдельно. Авторы оговаривают трудности выявления этноразличительных признаков: по многим признакам территориальная группа северных хантов ближе в культурном плане к северным манси, чем восточным хантам.

Стоит, наверное, выделить сюжеты очерков, в которых представленный авторами материал выходит за рамки заявленной тематики. Особо следует сказать о разделе, предваряющем очерки о конкретных этносах – “От древних культур к современным народам”. Его автор – один из соредкторов тома, археолог В.И. Молодин. За последние десятилетия археологические изыскания в Западной Сибири значительно продвинулись и дали материал, который является по существу почти единственным надежным источником для суждений об этнолингвистической принадлежности древнего населения и корнях современных этносов, их связи с теми или иными археологическими культурами.

Но археологический материал порой трактуется весьма противоречиво, что только осложняет целостную картину этнокультурогенеза в западносибирском регионе, с древнейших времен являвшем собой зону многообразных этнических контактов и миграций. В этих трактовках не всегда просто разобраться этнологу. Появление такого достаточно компактного обобщающего очерка об археологических культурах с древности до позднего средневековья, написанного одним из ведущих специалистов по археологии региона, несомненно, поможет выработке адекватного представления о процессах этнической истории у этнологов и историков. Наряду с последними работами лингвистов в области уралоистики (Е.А. Хелимский и др.) археология способна воссоздать сложную, но относительно цельную панораму генезиса и исторических связей предков уральцев как угорской, так и самодийской группы.

В связи с затронутыми сюжетами этногенеза следует отметить, что издатели и редакторы тома поступили, по-видимому, правильно, предоставив возможность авторам разных очерков высказать свою точку зрения на те или иные вопросы, даже если эти точки зрения принципиально противоположны. К числу таких проблем, до сих пор остающихся дискуссионными, относится вопрос о прародине самодийцев и происхождении (северном или южном) сибирского оленеводства (включая вопрос о времени доместикации оленя). Если В.И. Молодин придерживается южносибирской гипотезы прародины самодийцев, то автор соответствующего раздела о ненцах А.В. Головнев отстаивает мнение об их северной прародине. По существу, очерк Головнева об этногенезе ненцев – это только повод для рассуждения о более общих проблемах сибиреведения на частном примере. Здесь и проблемы происхождения самодийцев и крупностадного оленеводства, и рассказ о различном восприятии ненцами политики колонизации – новгородской и Московского государства, и пассаж о взаимоотношениях пришлого и коренного населения.

Обе гипотезы сосуществуют уже почти три столетия, и обе имеют немало аргументов в свою пользу, следовательно, и право на существование. Современный уровень научного знания пока не позволяет окончательно разрешить эту проблему. Одно из достоинств тома заключается в том, что издатели предоставили заинтересованным читателям возможность самостоятельно разобраться с доводами и аргументацией авторов очерков.

Не претендуя на роль арбитров в этом сложнейшем споре, заметим все же, что решать такую проблему едва ли можно и не вполне целесообразно на материале этногенеза и этнической истории какого-либо одного из народов, например, ненцев. Не вызывает сомнения, что ненцы как этнос со сложившимся обликом их культуры и быта сформировались в регионе их нынешнего обитания. Однако если их современный ареал относится к исторической прародине самодийцев, вопрос о появлении самодийскоязычного населения в более южных областях и на Саяно-Алтайском нагорье (данные топо- и гидронимии отсылают в данном случае к почти столь же далекому прошлому, как и данные археологии и лингвистики) остается без перспектив быть решенным. Возможно, наряду с археологическим очерком В.И. Молодина нелишним было бы включить в том обобщающий лингвистический очерк, в котором с учетом методов лингвистической палеонтологии были бы изложены современные взгляды на генезис угорских и самодийских, а также енисейских языков. Это могло бы помочь читателю составить более адекватную картину исторического прошлого автохтонного населения региона.

То же самое можно сказать и о проблеме происхождения домашнего оленеводства сибирских народов, которая также не имеет решения только на материале лишь одного из них. Здесь сторонники южного, саянского, происхождения оленеводства и вовсе оказываются в “стесненных” обстоятельствах, так как все надежные свидетельства доместикации оленя в древности относятся к областям, лежащим за пределами современной территории описываемых этносов.

В целом же относительно очерков по народам можно сказать, что они отразили более глубокие и точные представления о хозяйстве, быте и культуре автохтонов региона, накопленные этнографическим сибиреведением. В особенности это касается очерков о традиционном хозяйстве, где практически все авторы ушли от схематизма в характеристиках и высветили вариативность хозяйственного облика народов у отдельных их подразделений в зависимости от условий среды обитания. Именно к такому подходу призывал инициатор серии “Народы и культуры” Ю.Б. Смирченко. Авторы тома пошли по пути совместного освещения материала по различным группам, и почти всегда им это удается.

В более традиционном описательном ключе (если сравнивать с очерками о хозяйстве) выдержаны характеристики социального устройства и брачно-семейных норм. Здесь также представлен обширный и очень интересный материал. Стоит выделить очерк З.П. Соколовой о социальной организации хантов, в котором проведен анализ терминологии, используемой при изучении социальной организации, и дан краткий, но содержательный анализ дискуссии о проблеме рода, фратрии и племени.

Однако в ряде случаев предлагаемая интерпретация материалов не выходит за рамки давно сложившихся схем и стереотипов. В целом спектр определенных колеблется в рамках между институтом “классической родовой общины” и соседской общины с различными формами влияния родственно-генеалогических структур. При этом у читателя возникают вопросы: что такое “классическая родовая община” применительно к общественному быту народов Сибири, какими источниками она была когда-либо зафиксирована у различных этносов? Вся совокупность данных, которыми располагает наука, говорит о том, что по крайней мере в Сибири скорее всего никогда не существовало подходящих условий для бытования “классической родовой общины”, хотя бы из-за невозможности концентрации рода на ограниченной территории и из-за подвижной грани между хозяйственными занятиями, требующими мобильности и гибкой структуры кооперации рабочих рук, с вытекающими отсюда особенностями распределения добычи промыслов. Родственно-генеалогические же структуры заменяли территориальную организацию общества, особенно у народов, ведущих более подвижный образ жизни.

Поэтому, например, в очерке о социальной организации нгансан, когда автор (Н.А. Лопуленко), отметив наличие черт и материнско-родовой, и отцовско-родовой организации, заключает, что “классический род находился лишь в процессе складывания”, не совсем понятно, как конкретно это могло происходить в условиях Крайнего Севера. Кроме того, не всегда авторы строго отслеживают соответствие местных терминов родства понятию “род” в русском языке и в научной традиции. Пример: авторы очерка об энцах справедливо пишут о различных по функ-

циям и численности единицах, обозначавших “род” у энцев – об экзогамном роде *тыде* и его подразделении *фогга*. В дальнейшем же изложении не всегда ясно, о каком *тине* родов идет речь, когда, например, говорится, что “калым и приданое также собирали со всего рода” (с. 519). Едва ли сказанное касается всего экзогамного рода, но об этом приходится только догадываться.

Сходные места можно найти в очерке о селькупах: их социальное устройство развивалось, по мысли авторов, от классической родовой общины через родственно-соседскую общину, или “братскую семью” (термин И.Н. Гемуева), к соседским связям. В таком духе трактуются, например, данные о численности семей на 1801 г. (с. 351), но сами по себе эти данные не могут быть здесь серьезным аргументом. В свое время Б.О. Долгих на материалах переписи населения Мангазейского у. 1681–1682 гг. показал, что уже тогда состав и величина семьи часто непосредственно зависели от количества у той или иной группы оленей (Долгих 1974). Приведенные примеры интерпретаций данных о социальном строе демонстрируют необходимость некоторого переосмысления материалов сибирской этнографии, долгие десятилетия трактованных в русле эволюционистских по существу подходов к истории доклассовых обществ.

В связи с вышесказанным можно только приветствовать очерк А.В. Головнева о социальной организации ненцев. Автор прекрасно владеет материалом, вдобавок (что является несомненным достоинством) обладает литературным даром. Под его пером сложные теоретические конструкты рода, племени, фратрии обретают плоть и кровь, а развитие ненецкого общества показано в динамике. Из бесконечного перечисления имен и названий, благодаря эмоциональным характеристикам и динамичному описанию перемещений родов – “географическому” написанию, по-новому предстает этническая история ненцев. Основной тезис автора хочется передать его же словами: “Ненецкий род, обычно представляемый медленно разлагающейся пережиточной субстанцией, в действительности был боевым и задорным организмом” (с. 455).

Значительным вкладом в изучение исторической этнографии народов Сибири в прошлом и настоящем являются и разделы, посвященные мировоззрению и верованиям. За последние десятилетия в этой области этнологических изысканий также появилось немало новых работ, содержащих в себе различные исследовательские подходы и методики: семиотические, историко-генетические, структурно-функциональные. Все эти работы в той или иной мере в том же учтены, хотя полнота освещения материала в разных очерках неодинакова, и это не всегда зависит от степени изученности материала. Дело, вероятно, в разной степени его осмысления и обобщения авторами очерков.

Стоит отметить очерк Е.А. Алексеенко о мировоззрении и верованиях кетов, где традиционный быт описан наиболее полно и цельно, с прекрасным знанием всех локальных особенностей. Достоинство очерка заключается не только в том, что детально описана, насколько это возможно, вся система миропонимания кетов, но и в том, что создается адекватное представление о том, какое место те или иные воззрения и культы занимают в образе жизни, всей системе жизнедеятельности этноса, что для этнологического подхода к предмету является, пожалуй, самым важным. Контрастирует с этим аналогичный раздел очерка о селькупах, где эмпирический материал изложен так, что создается впечатление, будто данные, почерпнутые от других информантов и из других поселков, могут вообще изменить представленную картину.

Встречается в очерках ряд спорных утверждений, не подкрепляемых материалом. Например, в описании хозяйства нганасан упомянуты весенние поволоки. Но предположение о существовании в древности весенних поволоков у населения, специализировавшегося на охоте на дикого оленя, высказанное этнологами, было достаточно убедительно опровергнуто биологами, отметившими, что дикий олень совершал весенние миграции в то время, когда северные водоемы еще не освободились ото льда (Сыроечковский 1986: 256).

В целом авторы очерков довольно последовательно придерживались принципа приводить различные мнения по дискуссионным вопросам этнологии региона. Но иногда они почему-то отступают от него. Так, в разделе о происхождении и этнической истории нганасан отмечается, что самодийским предкам нганасан на Таймыре предшествовал палеоазиатский пласт охотников на дикого оленя Субарктики. К палеоазиатам относят и юкагиров. В данном случае опущены неоднократно высказывавшиеся мнения и о принадлежности юкагиров к уральцам, а не палеоазиатам, и об этнической принадлежности древнейших охотников циркумполярных тундр

также к уральцам, но к очень древнему их пласту, поселившемуся в северных широтах еще на протоуральской стадии.

Несколько выбивается из общей канвы последняя статья о положении коренных народов в XX–XXI вв. Сложные процессы, протекавшие на протяжении целого столетия, в ходе которого, по крайней мере, дважды революционно менялся образ жизни народов, вряд ли можно изложить на 10 страницах. Тем более, что содержание этих процессов весьма отличалось у разных групп в разных условиях. В статье отмечены только вехи в истории коренных народов: коллективизация, перевод на оседлость, укрупнение поселков и т.д. Во второй части излагается концепция предполагаемого развития коренных народов, которая выдержана в стиле программ советских лет. Между тем события последних двух десятилетий показали: единого решения многочисленных проблем северян не существует. Решаемость проблем из единого центра – это иллюзия.

К сожалению, авторам не удалось избежать фактических ошибок в повествовании. В “Предисловии”, например, известный историк Сибири XVIII в. И.Э. Фишер отнесен к числу сторонников северной гипотезы прародины самодийцев (с. 8). На самом деле именно Фишер был первым, кто высказал предположение о расселении самодийцев по Сибири с юга. Только сто лет спустя его догадку подкрепил лингвистическими исследованиями М.А. Кастрен. В сибиреведении гипотеза о южной прародине самодийцев получила название гипотезы Фишера–Кастрена. Да и М.Ф. Косарева едва ли можно однозначно причислить к сторонникам северной гипотезы, его взгляды на эту проблему сложнее.

К недостаткам тома можно отнести и практически полное отсутствие географических карт. Это серьезно усложняет восприятие текста, учитывая тот факт, что в каждом очерке перечисляется множество топонимов.

Издание прекрасно иллюстрировано: в томе более 800 фотографий, из них 100 цветных – больше, чем в каком-либо другом из уже вышедших томов серии. Однако иллюстративный материал неравнозначен по разным народам. Наиболее полно иллюстрации представляют различные сферы жизни у хантов, манси и ненцев, менее полно – у энцев и селькупов.

В заключении еще раз необходимо отметить огромную работу, проделанную авторами и редакторами тома. Данное издание еще долгие годы будет служить ориентиром для исследователей.

Литература

- Долгих 1974 – Долгих Б.О. К вопросу о соотношении большой и малой семьи у народов Севера в прошлом // Социальная организация и культура народов Севера. М., 1974.*
Сыроечковский 1986 – Сыроечковский Е.Е. Северный олень. М., 1986.